

**«Гегельянство» Ивана Ильина.
Анализ философского метода
на примере московского периода творчества**

© 2020 г. А.И. Вакулинская

*Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова,
Москва, 119991, ГСП-1, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 46.*

E-mail: sashavakulinskaya@gmail.com

Поступила 20.02.2020

Статья посвящена рассмотрению раннего периода творчества русского философа И.А. Ильина. Для историков философии до сих пор существует проблема, связанная с отнесением Ильина к тому или иному направлению философской мысли. На московский период творчества мыслителя приходится написание работы «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (1918), которая на долгие годы принесла ему славу лучшего интерпретатора Гегеля, а с ней – звание гегельянца. Основываясь на оценках современников И.А. Ильина, посвященных его труду о Гегеле, собственных высказываниях мыслителя, а также на оценках раннего творчества Ильина у современных исследователей, автор опровергает сложившийся стереотип о принадлежности русского философа к гегельянству и неогегельянству. Ильин, безусловно, укоренен в русской философии, а новый взгляд на философскую систему Гегеля позволил ему встать на путь религиозной философии. Автор указывает на то, что во многом именно философский метод, формирование которого происходило в ранний период творчества, становится основным стержнем концепции И.А. Ильина. Приводятся указания на архивные материалы из фонда Научной библиотеки МГУ, содержащие черновые записи мыслителя, посвященные разработке философского метода. В заключение делается вывод о том, что философия Гегеля была далеко не единственным идейным источником, повлиявшим на формирование метода раннего Ильина, известного под названием «путь к очевидности».

Ключевые слова: И.А. Ильин, Гегель, метафизика, гегельянство, неогегельянство, философия и религия, метод, теория познания, этика.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–9-139-149

Цитирование: Вакулинская А.И. «Гегельянство» Ивана Ильина. Анализ философского метода на примере московского периода творчества // Вопросы философии. 2020. № 9. С. 139–149.

Ivan Ilyin's "Hegelianism". Analysis of the Philosophical Method on the Example of the Moscow Period

© 2020 Aleksandra I. Vakulinskaya

*Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University,
1-46, Leninskiye Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.*

E-mail: sashavakulinskaya@gmail.com

Received 20.02.2020

The article is devoted to the early period of the work of the Russian philosopher I.A. Ilyin. Currently, there is still a problem for the historians of philosophy regarding classification of Ilyin to one or another direction of philosophical thought. During the Moscow period of the thinker's work, he wrote the work "Hegel's Philosophy as a doctrine of the concreteness of God and man" (1918), which for many years brought him fame as the best interpreter of Hegel, and also the title of Hegelian. The author refutes the established stereotype of the Russian philosopher's belonging to Hegelianism and neo-Hegelianism basing upon the thinker's own statements, the assessments of Ilyin's early work by modern researchers and the assessments of Ilyin's contemporaries devoted to his work on Hegel. Ilyin is certainly rooted in Russian philosophy, and a new view of Hegel's philosophical system allowed him to embark on the path of religious philosophy. The author points out that in many respects it is the philosophical method, the formation of which took place in the early period of creativity, that becomes the main core of I.A. Ilyin's concept. References are given to archival materials from the MSU Scientific library, which contain draft notes of the thinker dedicated to the development of the philosophical method. It is concluded that Hegel's philosophy was not the only ideological source that influenced the formation of the method of early Ilyin, known as the "way to evidence".

Keywords: metaphysics, Hegelianism, neo-Hegelianism, philosophy and religion, method, epistemology, ethics.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-9-139-149

Citation: Vakulinskaya, Aleksandra I. (2020) "Ivan Ilyin's 'Hegelianism'. Analysis of the philosophical method on the example of the Moscow period", *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2020), pp. 139-149.

Иван Александрович Ильин во многом является «неудобной» персоной для историков русской философии. В советское время, когда труды представителей русского зарубежья находились под строжайшим запретом, а знакомство с творчеством Ильина ограничивалось одним-единственным сочинением – «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (1918), философскую позицию мыслителя было принято определять, как неогегельянство или идеализм, уходящий в мистицизм [Поляков 1962, 252]. Причем в широких научных кругах данная характеристика философии русского мыслителя продолжает оставаться главенствующей и поныне. В то же время на страницах современных трудов по истории русской мысли Ильина зачастую относят к представителям религиозной философии, апеллируя к его работе «Аксиомы религиозного опыта» (1953).

Примечательно, что и современники мыслителя, его собраты по эмиграции, затруднялись отнести Ильина к тому или иному течению, хотя и указывали на близость взглядов философа с направлениями фихтеанства, гегельянства, гуссерлианства. Так, В.В. Зеньковский, основываясь на анализе двух книг Ильина: «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» и «Религиозный смысл философии» (1925), указывает: «В них, конечно, очень сильно чувствуется влияние Гегеля (как его интерпретирует Ильин!), но, несомненно, и влияние новейших немецких мыслителей – напр., Husserl, Cohen, отчасти Lipps» [Зеньковский 2001, 777–778]. Н.О. Лосский, в свою очередь, подчеркивал, что «для русских философов характерна отчетливо выраженная тенденция к конкретному идеал-реализму», и Ильин не является тому исключением [Лосский 2007, 519]. Б.В. Яковенко в работе «Мощь философии» относит Ильина, наравне с Лосским и Франком, к онтолого-интуитивистскому направлению, характерному для русской философии в самом начале XX в. [Яковенко 2000, 400]. В статье, посвященной кончине Ивана Александровича, Владимир Ильин именовал философа «русским западником», отмечая факт влияния на молодого мыслителя феноменологии Гуссерля, но отрицая его принадлежность к лагерю гегельянцев [Ильин 1955, 33]. Также В.Н. Ильин отметил черты сходства между правовым пафосом русского мыслителя и идеями И.Г. Фихте.

Стремление определить позицию Ильина в контексте тех или иных направлений западноевропейской мысли наблюдается и у современных исследователей. В работе «Божественное и человеческое в философии И.А. Ильина» И.И. Евлампиев замечает сходство идей раннего Ильина с представителями таких течений, как феноменология, персонализм, экзистенциализм и неогегельянство [Евлампиев 1998, 8–9]. Приходится, однако, согласиться с мыслью С.М. Бабинцева, что «...понятия “гегельянство”, “неогегельянство”, “фихтеанство”, “феноменология”, “персонализм”, “экзистенциализм” сами по себе не могут исчерпать существующего содержания философского построения И.А. Ильина “раннего периода”» [Бабинцев 1997, 42]. Сам Бабинцев склонен включать философа в «традицию метафизического идеализма, своеобразно преломившуюся в немецкой классической философии и русской религиозно-философской мысли XIX–XX вв.» [Там же, 43].

Можно определенно сказать, что концепцию И.А. Ильина нельзя, не прибегнув к серьезным огрублениям, свести к какому-то конкретному направлению европейской или русской мысли, а ее самобытность и своеобразие проявляются, в том числе и в предложенном Ильиным синтезе идей немецкой философии.

«Гегельянство» И.А. Ильина

Диссертация Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» на долгие годы принесла ему славу лучшего интерпретатора Гегеля, наградив заодно званием «гегельянца». Защита диссертации пришлось на беспокойное для России время. Грянули февральская и октябрьская революции, а за ними массовые репрессии несогласных мириться с новой властью, причем в эти годы репутация «гегельянца» не единожды спасала Ильина. Позднее Ильин вспоминал: «...“ручные” коммунисты (а такие были) говаривали мне, что у меня есть хорошая отметка в Гепеу: меня считают “гегельянцем”. Я обычно отвечал, что это недоразумение: я никогда не был гегельянцем и что Маркс ничего общего с Гегелем не имеет... Мне отвечали: “Молчите и не возражайте! Когда мы исчезнем, тогда вы и заявите, что вы не гегельянец; а до тех пор – это ваша заручка»» [Ильин 1999⁶, 351].

Однако не только идейные вожди новой власти придерживались подобного мнения о философской позиции Ивана Александровича. О нем как о гегельянце говорили и некоторые представители интеллигенции, например А. Белый, С.М. Волконский [Белый 1990, 279; Пришвина 2003, 154]. Правда, они едва ли были непосредственно знакомы с сочинением Ильина. Вот что в связи с этим замечает Г.А. Леман-Абрикосов, издатель второго тома диссертации Ильина о Гегеле: «Его работа – труд необычной

глубины, сложности и мало кому доступен по своей отвлеченности. Но зато он сразу поставил Ильина высоко во мнении русского общества, давшего ему прозвище “гегельянца”, что, впрочем, не следует понимать как сторонник учения Гегеля, а именно только, как автор работы о Гегеле» [Леман 2010, 603]. Действительно, если внимательно ознакомиться с оценками упомянутой работы Ильина, принадлежащими перу его современников и соратников по философскому цеху, то вряд ли можно будет остаться при мнении, что философ близок к гегельянству.

Н.Н. Алексеев, коллега Ивана Александровича по юридическому факультету, следующим образом характеризовал мыслителя и его работу о Гегеле: «...Чистый интеллект, недюжинный, но сухой, педантичный, склонный к установлению точных определений, детальных различий, прямолинейных систем и безжизненных схем... так разделал он и Гегеля в своей диссертации, превратившей великого немецкого философа в последователя посредственного и скучного представителя новейшей германской философии Гуссерля» [Алексеев 2004, 155].

Указание на Э. Гуссерля как на ключевую фигуру, повлиявшую на метод анализа Гегеля в диссертации Ильина, не случайно. Стоит отметить, что Гуссерль не был единственным, помимо Гегеля, «агентом влияния» на философскую позицию русского мыслителя. Характерной чертой молодого Ильина, в период с 1910 по 1912 гг. находившегося в заграничной командировке для работы над диссертацией, было стремление следить за *всеми* философскими «новинками». Такими были, к примеру, феноменология Гуссерля и философия жизни Г. Зиммеля.

В статье «О возрождении гегелианства», опубликованной в 1912 г., Ильин относит Зиммеля и Гуссерля к, как он сам определяет, «четвертой категории» гегельянцев и указывает, что «...четвертые идут своим, органическим и самостоятельным путем и приходят к идеям и построениям, в корне своем сродным идеям Гегеля, фактически вводящим интерес к нему в круг современных исканий... в живом интуитивно глубоком, хотя, может быть, до конца открыто невыясненном сочувствии...» [Ильин 1993, 47]. Такое рассмотрение эволюции идей великого немецкого философа весьма ощутимо в лекционных курсах, читанных Ильиным после зарубежной поездки [Ильин 2014].

Находясь в командировке, Ильин посещал в Берлине зимой 1910–1911 гг. лекции Зиммеля, и влияние этих лекций можно проследить в работе «О любезности. Социально-психологический опыт», опубликованной в 1912 г. [Вакулинская 2019]. Вслед за немецким философом и социологом Ильин склонен сосредотачивать внимание на внутренней жизни отдельного человека и рассматривает такой социальный процесс, как общение, в качестве определенного активатора этических норм, заложенных в сознании индивида.

Что касается гуссерлевской феноменологии, то в ней русский мыслитель усматривал один из путей обновления философского знания. В письме к своей кузине Л.Я. Гуревич Ильин, как раз в это время посещавший занятия школы Гуссерля, писал: «...Философия переживает тот момент, когда понятие пережило свое богатство, износилось и протерлось внутренне до дыры. И современные гносеологи напрасно выворачивают его, надеясь починить его как-либо или уповая на самочинное внутреннее зарождение в нём нового содержания» [Ильин 1999^a, 48]. Заметим, что в предисловии к «Феноменологии Духа» Гегель также весьма обеспокоен проблемой неспособности понятия адекватно отражать действительность. Неудивительно, что Ильина привлекало стремление Гуссерля сделать философию точной наукой путем пересмотра ее понятийного аппарата.

Интересно, что И.М. Чубаров, анализируя «феноменологический метод» Ильина, отмечает: русский философ «...как историко-философски ориентированный мыслитель... не признает за феноменологическим методом принципиальной новизны по отношению к метафизической традиции и ее методам анализа, называя его “в корне” старым, как сама философия» [Чубаров 2001, 192]. В тоже время А.Г. Вашестов, производя сравнение методологических подходов русского и немецкого философов, отмечает, что у Ильина, как и у Гуссерля, можно найти корни «старого мистического

учения о единении с божеством» [Вашестов 1984, 52]. Однако, в отличие от Гуссерля, который перенаправил интенциональность с объекта на «себя» (таким образом исследуя «категориальную структуру мышления»), Ильин стремился разработать теорию очевидности, связанную с феноменом интуиции.

Ориентация на интуицию как основной метод философии самого Гегеля пронизывает всю диссертационную работу Ильина. Это в свое время отметил Г.Г. Шпет в черновике заметки под названием «Опыт популяризации философии Гегеля»: по мнению Шпета, «непростительная ошибка» диссертации Ильина состоит в том, что в своем изложении системы немецкого мыслителя он устраняет из его учения диалектику (заменяя ее на интуицию) и историзм.

Позже и В.В. Зеньковский, излагая основное содержание диссертации Ильина и подчеркивая отличия, существующие между Ильиным и Гегелем, начинал с критических ремарок: «Ильин не отличает умозрение от опыта». <...> Для Ильина даже воображение может быть «насыщено нечувственным содержанием» [Зеньковский 2001, 778].

В дальнейшем, в советской и постсоветской историографии русской философии, особенности интерпретации Гегеля у Ильина послужили основанием для того, чтобы записать его в неогегельянцы. Но, как нам кажется, данное определение также не является вполне корректным.

Начиная с 30-х гг. XIX в. увлечение Гегелем в России было явлением достаточно распространенным, и многие деятели той эпохи, такие, как Н.В. Станкевич, В.Г. Белинский, Т.Н. Грановский, А.И. Герцен, спешили называть себя гегельянами. Даже ближе к концу века, когда в Европе интерес к Гегелю почти сошел на нет, в России он оставался значительным [Чижевский 2007, 358–365]. Одним из известных гегельянцев в начале XX в. был Б.Н. Чичерин, оказавший непосредственное влияние на философско-правовые взгляды учителя Ильина, П.И. Новгородцева, да и на самого Ивана Александровича.

Д.И. Чижевский отмечает, что работа Ивана Ильина гармонично вписывалась в контекст пересмотра учений немецких мыслителей, начавшегося после 1910 г., и была завершающим этапом в истории русского гегельянства. И.И. Евлампиев, анализируя ранний период творчества Ильина, подчеркивает, что он явился предтечей «неогегельянства» в России: «Ильин стал первым, кто четко обозначил значение гегелевского наследия для философии XX в. В его труде можно обнаружить те новые идеи, которые чуть позже, в 20–30-е гг., оказались в центре философских дискуссий и определили своеобразие двух важнейших философских направлений – неогегельянства (немецкого и особенно французского) и экзистенциализма» [Иван Александрович Ильин 2014, 93]. Правда, в конце своего исследования Евлампиев и самого Ильина именует «первым крупным представителем неогегельянства», немного смешивая контексты. Зарубежный исследователь творчества русского философа Ф.Т. Гриер в статье «Ильин как интерпретатор Гегеля» более осторожно подошел к вопросу отнесения русского мыслителя как к неогегельянству, так и классическому гегельянству, указывая на то, что «...история влияния Гегеля должна быть написана отдельно для каждой страны» [Там же, 95].

Строго говоря, неогегельянство, в том числе и такое, каким его описывает сам Ильин в своей статье «О возрождении гегелианства», весьма неоднородно и пестро. Его границы настолько размыты, что неогегельянцем можно назвать любого исследователя, поминающего диалектику, панлогизм, нечувственный опыт, а таковых в первой половине XX в. было достаточно. В частности, говоря в упомянутой статье об основателе марбургской школы неокантианства Когене, Ильин относит и его к той же «четвертой группе» возродителей гегелианства (к которой, как уже отмечалось выше, были отнесены Гуссерль и Зиммель). Ильин указывает, что представители Марбургской школы наследуют Гегелю в «рационально-формальном и методологическом отношении» [Ильин 1993, 47].

Существенным фактом при рассмотрении философской позиции И.А. Ильина является то, что интерес к философии Гегеля проявился у молодого мыслителя после

прочтения «Феноменологии духа» в 1908 г. В предисловии к немецкому изданию диссертации Иван Александрович пишет об этом так: «Я скоро почувствовал огромный глубокий смысл, честные усилия в поисках истины и ясности, богатство воззрений на духовную жизнь и на историю человечества» [Ильин 2002, 404]. Немаловажным для Ильина было и высказанное в Предисловии к «Феноменологии духа» стремление приблизить философию по форме к науке. И все же, рассматривая диссертацию Ильина, Г.Г. Шпет указал на искажение Ильиным конкретно-эмпирического у Гегеля и сведение его философии к разрешению вопроса о научном обосновании сущности Бога и человека, назвав ильинский подход к философии «моралистическим» [Шпет 2010, 232–233].

Философия как духовное делание

Примечательно, что исследователи, как современники философа, так и более поздние, включая некоторых постсоветских, оценивая философскую позицию И.А. Ильина, делали это лишь на основании двух его, уже упомянутых нами, трудов – «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (1918) и «Религиозный смысл философии» (1925). Но, как нам кажется, выявить взгляды самого Ильина на материале его диссертации о Гегеле – задача не из легких, как минимум требующая учета и других работ раннего периода.

По поводу своего метода Ильин писал в предисловии к немецкому изданию сочинения о Гегеле, что для историка философии «...существует возможность и соответствующая способность правильно осознать акт чужого созерцания и размышления и встать на творческую позицию философа в такой мере, что начинаешь жить в ней и философствовать соответствующим образом: ощущать все, как он ощущал, “видеть” то, что видел он, не произнося “аминь” над духовной очевидностью» (цит. по: [Гулыга 1992, 362]). Отметим, что Ильину близок тот интуитивистский метод, который он обнаружил у Гегеля, – именно в нем он видел путь к освобождению философии от «субъективной уверенности и произвола» [Ильин 1994⁶, 22].

Первым, кто предпринял попытку проанализировать все ранние труды И.А. Ильина, был И.И. Евлампиев, который, правда, не вполне верно, на наш взгляд, выделил «нить», связующую первые публикации Ильина, настаивая на том, что таковой является идея «нового философского понимания человека» [Евлампиев 1998, 30]. При работе с архивом И.А. Ильина, который ныне хранится в научной библиотеке МГУ, удалось обнаружить весьма любопытный черновик оглавления неопубликованного сборника, объединявшего ранние статьи русского мыслителя. Данный сборник, судя по всему, носил рабочее название «Борьба за философию» [Ильин^a, 5], а в списке отвергнутых названий первым значилось «Борьба за метод». В сборник были включены следующие статьи философа: «Понятия права и силы» (1909), «Идея личности в учении Штирнера» (1909), «Кризис субъекта в наукоучении Фихте Старшего» (1911), «Философия Фихте как религия совести» (1914), «Философия как духовное делание» (1914), «О любезности» (1910), «Духовный смысл войны» (1915), «Основное нравственное противоречие войны». Фрагмент (1914), «Философия и жизнь» (1918) [Там же, 6] (заметьте, что даты в скобках не соответствуют времени публикаций этих работ – многие из перечисленных статей представляют собой тексты речей, произнесенных в указанный философом год).

В «Науке логики» Гегель подчеркивал, что метод представляет собой «душу всякой объективности». И, видимо, не случайно то, что первая публикация Ильина «Понятия права и силы» (1910) по манере изложения была похожа на «Науку логики». В своей статье молодой философ рассматривает два значимых для юриспруденции концепта – «право» и «сила» – и стремится указать на необходимость пересмотра метода, используемого юридическими науками, поскольку юридический позитивизм отрицает возможность понимания права как нравственности, сводя его лишь к понятиям «сила» и «интерес». Философ указывает, что «... “познать, чтобы применить” мешает

юриспруденции стать чисто теоретической наукой, необходимо произвести замену на «познать, чтобы знать» [Ильин 1994^а, 35].

В 1911 г. была опубликована рецензия «Идея личности в учении Штирнера», в которой Ильин пытается пересмотреть концепцию немецкого философа. Данная статья является также важной при осмыслении философии права Ильина. Как верно отмечает Евлампиев, Иван Александрович «...приходит к идее интуитивного акта не столько через разработку абстрактных проблем гносеологии, сколько через этику...», что прослеживается и в таких работах мыслителя, как «О любезности», «Духовный смысл войны» и «О нравственном противоречии войны» [Евлампиев 1998, 36]. Впоследствии в рамках курса лекций «История этических учений», читавшегося, предположительно, начиная с 1914 г., Ильин подчеркивал, что важным в учении М. Штирнера является идея того, что «...добрая воля... любит добро не потому, что так должно, так велит долг, или предписывает норма, а потому, что из глубины личной души родится радостный свободный самочинный порыв любви к нему. И этот порыв, договорим мы за Штирнера, перерождает душу так, как переродился некогда Савл на пути в Дамаск» [Ильин 2013, 423].

В 1912 г. на страницах журнала «Вопросы философии и психологии» была опубликована объемная статья И.А. Ильина «Кризис идеи субъекта в наукоучении Фихте Старшего». Стоит отметить, что у Ильина исследованию Гегеля предшествовала серьезная работа над «Наукоучением» И.Г. Фихте (начавшаяся еще в 1908 г.), о чем свидетельствуют материалы, сохранившиеся в архиве С.Н. Шиль [Овчинкина 2011], и воспоминания Андрея Белого [Белый 1990]. Статья о Фихте не вызвала большого отклика, да и ныне исследователи творчества И.А. Ильина зачастую упускают ее из своего поля зрения. Пожалуй, исключение представляет лишь упомянутая работа И.И. Евлампиева, который определяет позицию Ильина в «Кризисе идеи субъекта...», как персонализм и экзистенциализм, отмечая при этом, что Ильин пристальное внимание уделяет «переживанию иррациональной полноты жизни в качестве основы человеческого бытия» [Евлампиев 1998, 62]. Действительно, во многих работах Иван Александрович особо подчеркивал, что путь рассудка – не есть единственный путь, по которому может и должен идти человек, реализуя свое желание познавать. Наверное, он и предпринимает анализ наукоучения Фихте, дабы продемонстрировать отход от рассудочности и возвращение к религиозным мотивам в системе немецкого философа. Чтение «Кризиса идеи субъекта в наукоучении Фихте Старшего» наводит на мысль о том, что, с точки зрения Ильина, Фихте, пытавшийся разрешить вопрос кантовской «вещи в себе», вынужден так или иначе вернуть метафизику в область чистого разума. По Ильину, человек у Фихте выступает в качестве конкретного и абсолютного свободного духа, сосредоточивающего в себе начало Божества. Исходя из идеи творческого потенциала как изначально заложенного в мыслящем субъекте и следуя христианскому представлению о человеке, Иван Александрович сведет *воедино* две оторванные друг от друга в «Наукоучении» линии развития относительного и Абсолютного Я. В дальнейшем в статье «Философия Фихте как религия совести» Ильин подчеркнет, что «...для Фихте, как для истинного философа, центр тяжести лежит не в букве толкования, не в словах и не во внешней форме, но в духе и творчестве» [Ильин 1999^а, 67]. Процесс творчества, который изначально интерпретировался Ильиным только в философском контексте, постепенно начинает истолковываться в контексте религиозной традиции.

Не смог обойти Ильин и такое модное течение начала XX в., как психоанализ (влияние которого прослеживается, например, в трактате «О любезности»). Во время второй заграничной командировки философ в мае 1914 г. посетил Зигмунда Фрейда. Интерес к психоанализу был для Ильина не только данью моде. В статье «Философия и жизнь» Иван Александрович охарактеризует данное течение как «...метод, которым человек может не только исцелить и очистить свое бессознательное, но и сообщить своему духу органическую цельность, чуткость и гибкость» [Ильин 1923, 76]. Мотивы психоанализа Фрейда красной нитью проходят через все творчество русского мыслителя [Маслин, Вакулинская 2019].

Существует мнение, высказанное, например, А. Соболевым, что во время европейской командировки 1910–1912 гг. Ильин, излишне увлекшийся современными тенденциями немецкой философии, существенно отдалился от нравственно-религиозной традиции, которая культивировалась в школе П.И. Новгородцева [Соболев 2006, 131]. Однако стоит отметить немаловажный факт, касающийся внимания Ильина в этот период и к восточно-христианской традиции «умного делания». В библиотеке Ильиных имеется теософская книга М.Ф. Лодыженского «Сверхсознание и пути к его достижению. Индусская Раджа-Йога и христианское подвижничество (Опыт исследования)», которая в 1912 г. вышла вторым изданием. Знакомство Ильина с данной книгой произошло, как мы полагаем, не позже середины 1913 г.: осенью 1913 г. он начал читать курс лекций «Введение в философию» (некоторые фрагменты из лекций курса совпадают с речью «Философия как духовное делание») и рамках этого курса неоднократно ссылался на подвижников Восточной Церкви. Кроме того, хотя влияние немецкой философии ощущается здесь еще как весьма значительное, Ильин формулирует такое определение понятия «Дух», которое близко к христианскому прочтению: «Дух – это, прежде всего, душа, когда она живет своими лучшими слоями и силами, устремленными на познание истины, созерцание красоты, совершение добра, обращение к Богу» [Ильин 2014^а, 20]. Метод философского погружения, описанный Ильиным во «Введении в философию», требует постановки мыслящего перед лицом Бога. Это некоторые упражнения, которые предваряют духовное очищение, обеспечивают сосредоточенность всех чувств, а затем мыслей, причем описание их можно найти и в исихастской традиции. Правда, на путь собственно религиозного философствования Иван Александрович ступит уже ближе к 1919 г., пройдя через ужас войны и революций.

Вот пара свидетельств тому. В.Д. Пришвина (Лебедева), посетительница курсов Института Слова, в котором с 1920 по 1922 г. преподавал Ильин, вспоминает: «Ильин открывал нам выход из мрака – знакомил с анализом духовной жизни человека, вылившимся у подвижников древнего христианства в четкую систему, называемую аскетикой. Уже в те годы пятитомное собрание их творений «Добротолубие» стало библиографической редкостью...» [Пришвина 2003, 155]. А в своих собственных мемуарах философ упомянет о дошедшем до него слухе: бывший священник Галкин-Горев жалуется вождю пролетариата, что «Ильин читает студентам лекции о Боге!..» [Ильин 1999^б, 372–373]; Ленин якобы пытается уточнить, не о «философском» ли боге идет речь, но тут уже сам Ильин «ставит все точки на i»: «...комментарии излишни. Читал действительно о Настоящем» [Там же].

Приведенный фрагмент мемуаров касается событий 1920–1921 гг., периода, когда Иван Александрович читал курс «Введение в историю религии» (или «Философия религии»). Известно, что изначально «Философией религии» должна была называться работа «Аксиомы религиозного опыта» (1953). По свидетельству самого Ильина, книга была начата им еще в 1919 г., однако в архиве материалы, касающиеся «Философии религии», значатся под 1918 г. Фрагменты идей, наброски, остававшиеся от этой книги, вошли в другую работу «Учение об очевидности», впоследствии получившую название «Путь к очевидности» [Ильин^б, 21].

Известно кредо Ильина: «Сначала – быть, потом – действовать и лишь затем из осуществленного бытия и из ответственного, а может быть, и опасного, и даже мучительного делания – философствовать» [Ильин 2009, 83], – которое, правда, обрело такую чеканную форму только в 1957 г. благодаря Н.П. Полторацкому, но в котором отразились идеи, владевшие умами в начале XX в.: неокантианство, гуссерлианство, философия жизни. К тому же философский метод, ставший основой кредо, был выработан Ильиным еще в Москве, в то самое время, когда шла работа над диссертацией «Философия Гегеля...». В статье «Философия и жизнь» (1923), которая воспроизводит речь, произнесенную на защите диссертации о Гегеле, можно найти некую расшифровку вышеприведенного кредо: «Философия рождается в жизни духа и от духовной жизни. Поэтому тот, кто желает творить ее, должен прежде всего начать духовную жизнь»;

он должен *быть духовно*. Но духовное бытие есть такое состояние, в котором душа *любит* божественные предметы, *радуется им и творит их*. Поэтому философ должен прежде *быть духом и действовать в духе*; и только это может дать ему *подлинный предметный опыт, энергию мысли и право на знание*» [Ильин 1923, 81]. Пятью годами ранее Ильиным была опубликована работа «Философия как духовное делание» (1915), представлявшая собой речь, прочитанную на открытии Студенческого философского общества в 1914 г. в Москве. Очевидно, что понятие «духовного делания», которое Ильин отождествляет с философией, имеет отношение к православной аскетической традиции, в которой исихастская практика, направленная на обожение человека, именуется как «умным», так и (реже) «духовным деланием».

Путь к очевидности требовал, по Ильину, вовлечения всех душевных сил человека, а не одного только разума. На занятиях по курсу «Общее учение о праве», который предположительно читался в 1920 г., желая продемонстрировать студентам полноту философского акта, Иван Александрович укажет: «...предмет, как он есть на самом деле, может быть познан душою, стать ее содержанием – через адекватное испытание, интуицию, мышление» [Ильин 2014^a, 435].

* * *

Работа над осмыслением философии Гегеля, несомненно, способствовала выработке Ильиным собственного метода и взгляда на философию. Однако отождествление позиции раннего Ильина с гегельянством или неогегельянством во многом ошибочно, как неправомерна и попытка причислить философа к «гуссерлианцам». Еще в московский период творчества мыслителю удалось разработать и развить собственный метод погружения в предмет, который задействовал бы все стороны душевно-духовной жизни человека. Внимание Ильина к иррациональной стороне человеческого существа вряд ли без оговорок позволяет соотнести его позицию с психоанализом или персонализмом и экзистенциализмом. Метод философа, безусловно, во многом сформировался под влиянием идей Гегеля и Фихте, а также таких современных ему мыслителей, как Зиммель, Фрейд, Гуссерль. При этом философ творчески переосмысливал эти идеи, привнося в свой метод мотивы православной аскетической традиции. Причастность молодого Ильина к русской религиозной философии не вызывает сомнений, но в то же время философ явно тяготел к такому направлению мысли, как гносеологизм. Поиски правильного метода философии, способствующего ее возрождению, привели русского мыслителя к анализу душевно-духовной жизни человека не только с позиций европейской философских систем, недостатки которых он видел и критиковал, но и с позиции христианства. Цель философии, по мнению Ильина, может быть достигнута только «мучительным» философствованием, подразумевающим некую «аскезу» и требующим вовлечения в процесс познания всех душевных сил личности.

Источники – Primary Sources in Russian

Белый 1990 – *Белый А.* Между двух революций. М., 1990 (Bely, Andrei, *Between two revolutions*, in Russian).

Зеньковский 2001 – *Зеньковский В.В.* История русской философии. М.: Академический проект, Паритет, 2001 (Zenkovsky, Vladimir V., *The history of Russian philosophy*, in Russian).

Ильин 1955 – *Ильин В.Н.* Иван Александрович Ильин // Вестник РСХД. 1955. № 1 (36). С. 32–35 (Ilyin, Vladimir N. (1955), *Ivan Aleksandrovich Ilyin*, in Russian).

Ильин^a – *Ильин И.А.* Темы и планы для издательства // НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 1. Ед. хр. 553 (Ilyin, Ivan A., *Themes and plans for the publishing house*, in Russian).

Ильин^b – *Ильин И.А.* Путь к очевидности (рукопись: 1919–1922) // НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 1. Ед. хр. 251 (Ilyin, Ivan A., *The Way to Insight (Manuscript: 1919–1922)*, in Russian).

Ильин 1923 – *Ильин И.А.* Философия и жизнь // София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии / под ред. Н.А. Бердяева. Кн. 1. Берлин: Обелиск, 1923. С. 1–81 (Ilyin, Ivan A. (1923) *Philosophy and life*, in Russian).

Ильин 1994^a – Ильин И.А. Понятия права и силы // Собр. соч. В 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. С. 5–44 (Ilyin, Ivan A., *Concepts of Right and Power*, in Russian).

Ильин 1994^b – Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. В 2 т. / Вступ. ст. И.И. Евлампиева. СПб.: Наука, 1994 (Ilyin, Ivan A., *Hegel's philosophy as a doctrine of the concreteness of God and man*, in Russian).

Ильин 1999^a – Ильин И.А. Дневник. Письма. Документы (1903–1938) // Ильин И.А. Собр. соч. Доп. т. 1. М.: Русская книга, 1999 (Ilyin, Ivan A., *Diary. Letters. Documents (1903–1938)*, in Russian).

Ильин 1999^b – Ильин И.А. Письма. Мемуары (1939–1954) // Ильин И.А. Собр. соч. Доп. т. 2. М.: Русская книга, 1999 (Ilyin, Ivan A., *Letters. Memoirs (1939–1954)*, in Russian).

Ильин 2001 – Ильин И.А. Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954) // Ильин И.А. Собр. соч. Доп. т. 6. М. Русская книга, 2001 (Ilyin, Ivan A., *Articles. Lectures. Speeches. Reviews (1906–1954)*, in Russian).

Ильин 2002 – Ильин И.А. Предисловие к немецкому изданию книги «Философия Гегеля как созерцательное учение о Боге» // Ильин И.А. Собр. соч. Доп. т. 10. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: Учение о Боге. М., 2002. С. 402–419 (Ilyin, Ivan A., *Preface to the German edition of the book "Hegel's philosophy as a doctrine of the concreteness of God and man"*, in Russian).

Ильин 2009 – Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 2009 (Ilyin, Ivan A., *The Way to Insight*, in Russian).

Ильин 2014 – Ильин И.А. Философия как духовное делание: [курс лекций]. М.: ПСТГУ, 2014 (Ilyin, Ivan A. *The Philosophy as a Spiritual Action: [course of lectures]*, in Russian).

Ильин 2015 – Ильин И.А. Немецкий идеализм. История этических учений. История древней философии. М.: ПСТГУ, 2015 (Ilyin, Ivan A., *German idealism. History of ethical teachings. History of ancient philosophy*, in Russian).

Леман 2010 – Воспоминания Г.А. Лемана / Публ. Е. Ивановой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах: XVIII–XX вв. Вып. 19. М.: Студия “ТРИТЭ” Н. Михалкова; Российский фонд культуры: Российский архив, 2010. С. 601–660 (Leman, Georgy A. (2010), *Memoirs of G.A. Leman*, in Russian).

Лосский 1991 – Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991 (Lossky, Nikolay O., *The History of Russian philosophy* (in Russian).

Пришвина 2003 – Пришвина В.Д. Невидимый град. М., 2003 (Prishvina, Varvara D., *Invisible city*, in Russian).

Чижевский 2007 – Чижевский Д.И. Гегель в России. СПб.: Наука, 2007 (Chyzhovsky, Dmitro I., *Hegel in Russia*, in Russian).

Шпет 2010 – Шпет Г.Г. Философская критика: отзывы, рецензии, обзоры / Г.Г. Шпет; сост., науч. ред., предисл., коммент., археогр. работа и реконструкция Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2010 (Shpet, Gustav G. (2010) *Philosophical criticism: comment, critiques, reviews*, in Russian).

Яковенко 2000 – Яковенко Б.В. Мощь философии. СПб.: Наука, 2000 (Yakovenko, Boris V., *The power of philosophy*, in Russian).

Ссылки – References in Russian

Алексеев 2004 – Алексеев Н.Н. В бурные годы // И.А. Ильин: pro et contra. СПб.: РХГА, 2004. С. 72–77.

Бабинцев 1997 – Бабинцев С.М. Миросозерцание И.А. Ильина. М.: Прометей, 1997.

Вакулинская 2019 – Вакулинская А.И. Место и роль трактата «О любезности» в философии И.А. Ильина // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2019. № 1. С. 20–35.

Вашестов 1984 – Вашестов А.Г. Критика феноменологического метода И.А. Ильина // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1984. № 5. С. 46–56.

Гулыга 2003 – Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. М., 2003.

Евлампиев 1998 – Евлампиев И.И. Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. СПб., 1998.

Иван Александрович Ильин 2014 – Иван Александрович Ильин / Под ред. И.И. Евлампиева. М.: РОССПЭН, 2014.

Маслин, Вакулинская 2019 – Маслин М.А., Вакулинская А.И. Молодой И.А. Ильин о Фрейте и не только // Вестник РХГА. 2019. № 2. С. 135–145.

Овчинкина 2011 – Каталог библиотеки Ивана Александровича Ильина / Сост. И.В. Овчинкина. Под ред. И.Л. Великодной. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011.

Поляков 1962 – Поляков А. Иван Александрович Ильин // Философская энциклопедия. М., 1962. Т. 2. С. 252.

Соболев 2006 – Соболев А.В. О русской философии права (школа П.И. Новгородцева) // Россия XXI. 2006. № 4. С. 112–139.

Чубаров 1997 – Чубаров И.М. Антология феноменологической философии в России. М.: Логос, 1997. Т. 1.

References

Alekseev, Nikolay N. (2014) “In the storming years”, *I.A. Ilyin: pro et contra*, RHGA, Saint-Petersburg, pp. 72–77 (in Russian).

Babintsev, Sergei M. (1997) *World-outlook of I.A. Ilyin*, Prometei, Moscow (in Russian).

Chubarov, Igor M. (1997) *Anthology of phenomenological philosophy in Russia*, Vol. 1, Logos, Moscow (in Russian).

Evlampiev, Igor I. (1998) *The divine and the human in philosophy of Ivan Ilyin*, Saint-Petersburg, (in Russian).

Gulyga, Arsenii V. (2003) *Russian idea and its creators*, Moscow, 2003 (in Russian).

Ivan Aleksandrovich Ilyin (2014), Evlampiev, Igor I. (ed.), ROSSPEN, Moscow (in Russian).

Maslin, Mikhail A., Vakulinskaya, Aleksandra I. (2019) “The young I.A. Ilyin on Freud and not just (correspondence with Yu.L. Veysberg)”, *Vestnik RHGA*, Vol. 4 (2019), pp. 135–145 (in Russian).

Ovchinkina, Irina V. (2011) *Catalogue of the library of Ivan Aleksandrovich Ilyin*, Ovchinkina I.V., Velikodnaya I.L. (eds.), Izdatelstvo Moskovskogo universita, Moscow (in Russian).

Poliakov, Aleksandr (1962) “Ivan Aleksandrovich Ilyin”, *Encyclopedia of philosophy*, Vol. 2, Moscow, p. 252 (in Russian).

Sobolev, Albert V. (2006) “On Russian philosophy of law (P.I. Novgorodtsev’s school)”, *Rossia XXI*, Vol. 4 (2006), pp. 112–139 (in Russian).

Vakulinskaya, Aleksandra I. (2019) “The role and position of the essay ‘On courtesy’ in the philosophy of I.A. Ilyin: The experience of source study”, *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Series 7, Philosophy, Vol. 1 (2019), pp. 20–35 (in Russian).

Vashestov, Andrei G. (1984) “The criticism of the phenomenological method of I.A. Ilyin”, *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Series 7, Philosophy, Vol. 5 (1984), pp. 46–56 (in Russian).

Сведения об авторе

ВАКУЛИНСКАЯ Александра Ивановна – кандидат философских наук, лаборант кафедры экономики труда и персонала экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Author’s Information

VAKULINSKAYA Aleksandra I. – CSc in Philosophy, laboratory worker of the Department Labor and Personnel Economics of the Faculty of Economic of the Lomonosov Moscow State University.